

И СМЕХ, И СЛЕЗЫ АННИ ЖИРАРДО

Известия. — 1994. — 27 мая. — С. 7.

Нинель ИСМАИЛОВА,
«Известия»

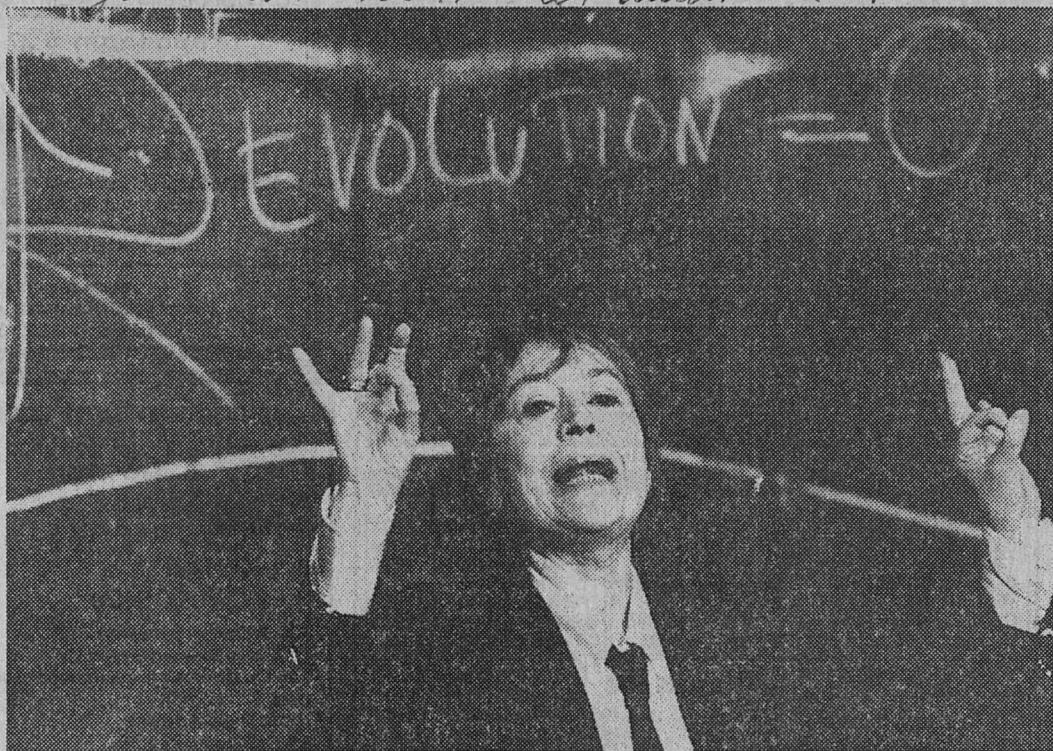
Театр наций представил Москве на сцене Театра сатиры работу Валерия Ахадова и Анни Жирардо. Пьеса Роберто Атаяда и Жана-Люка Дабадье «Мадам Маргарита» в режиссерском прочтении Жоржа Левелли и Валерия Ахадова была поставлена в Магнитогорском драматическом театре и там принята с таким же веселым воодушевлением, как в эти дни в российской столице.

...Она шла к сцене через зал — зрители приветствовали ее аплодисментами, на которые актриса не откликалась, она была в роли, она оглядывала нас, присматривалась: это ее класс, ее дети, ее слушатели — каковы они? Ее урок биологии с откровенностью на грани непристойности и откровениями до самоуничтожения — подлинный урок жизни.

Психологический монолог, скорее, действие-диалог, в котором мы видим одну сторону, а другую... чувствуем. Монолог сыгран по условиям диалога, и это усиливает трагичность. Это диалог с залом — классом, школой, с миром... О чем? — о болезнях одиночества, о душевном смятении, о тоске и тщетных попытках вырваться из нее.

Здесь есть единство — не только аристотелевское триединство — время, действие, место, но художественное единство, обеспеченное изысканной режиссурой: манера исполнения, строгость оформления пространства, аскетизм средств и четкий ритм сценического действия, в котором пауза звучит и играет, как слово.

Открытое сценическое пространство, в котором центральное место занимает большая, слишком большая школьная доска, точно желающая вместить все знание о жизни, о человеке, актриса обживает, заполняя собой так, что сцена стано-

вится уютной, а моноспектакль превращается в зрелище. Музыку русского театра слышится за французской речью, психологическая достоверность — его первейшее условие — здесь соблюдена полностью. Театр творится из самой роли — задача для великих артистов, и спектакль получается подобный репортажу о непрерывности чувств.

В Анни Жирардо какая-то легкость, невесомость, изящество. Сам эстетичный облик ее ограждает от всякой непристойности. В ее манерах и поведении, кажется, нет ничего актерского, и сама ее актерская свобода — это свобода естественного человека. Голосу Анни Жирардо неведомы интонационные штампы. И даже самые повседневные слова не превращают текст в бытовую

речь, и рискованные словечки слетают с ее уст, укрытые ее иронией.

Может показаться, что актерский театр игнорирует режиссуру. Но нет — актерский театр требует особой режиссерской точности, безукоризненной ясности концепции и аскетизма в средствах. Валерий Ахадов сознает, какой актерский механизм в его руках, он не демонстрирует никаких режиссерских ужимок, его дирижерскую палочку зритель не должен видеть. Но спектакль с одним актером тем более нуждается в атмосфере, и эту атмосферу создают для актрисы режиссеры. Надо глубоко исследовать язык театра, чтобы при такой скудности внешних средств добиться такого впечатления. Ведь можно «держать речь» перед аудиторией,

а можно играть настоящий спектакль. Здесь все подлинное; все в рост актерского таланта Анни Жирардо. Не каждый человек способен к самоиронии, не каждый человек способен к такой серьезности. Мастерство и талант Анни Жирардо общепризнанны, актриса любима в России, наверное, не менее, чем во Франции. Мы восхищались ее работами в кино и теперь имели удовольствие видеть ее близко, в театре, и в этом была и радость узнавания и радость открытия.

Цветы, которыми одарила ее публика, Анни Жирардо не могла удержать в руках. И, уходя со сцены, она бросила в зал, который приветствовал ее стоя: «Так прекрасно, что невозможно расстаться».

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.